

гих руководств и справочников до тех пор, пока многие языковеды не перестанут прохладно, а иногда и скептически относиться к проблемам стилистики, кстати сказать, весьма сложным, интересным и ответственным.

Языковеды, откровенно говоря, не помогают нашим писателям в совершенствовании языка художественной литературы, не изучают современную публичную речь, не создают пособий по культуре речи, по теории красноречия. Оставаться так долго и в таком большом долгу перед всей нашей общественностью нельзя. Назрела настоятельная необходимость решительного изменения положения вещей.

А. И. Ефимов

А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации. — М., Изд-во АН СССР, 1955. 398 стр. (Ин-т языкознания.)

Книга А. Б. Шапиро — первая в своем роде: изучением системы русской пунктуации в таком объеме, как мы видим в этой книге, никто еще не занимался. Особенно богато и тонко разработан материал той части книги, где описаны всевозможные случаи употребления знаков препинания (стр. 87—351). Здесь изучаются и некоторые вопросы синтаксиса; поэтому труд А. Б. Шапиро является вкладом и в нашу синтаксическую литературу. Книга заслуживает внимательного изучения и подробного обсуждения.

Известно, что пунктуация вызывает много споров — как принципиального характера, так и практического. Принципиальные споры в основном сводятся к следующему: лежит ли в основе пунктуации интонация (ритмомелодика) или синтаксический смысл¹. Но прежде чем решать этот спор, надо решить едва ли не основной для теории пунктуации вопрос: является ли письменная речь самодовлеющей областью, не связанной с устной речью, или же устная речь есть основа письменной речи? А. Б. Шапиро склонен к первому решению. Впрочем при анализе конкретных фактов пунктуации он часто отступает от своих принципиальных установок.

С поставленным здесь вопросом непосредственно связан вопрос об интонации как синтаксическом средстве языка. Некоторые языковеды не относят интонацию к числу грамматических средств. Когда А. Б. Шапиро пишет, что «... пунктуация является одним из очень выразительных средств передачи тех сторон содержания, которые либо не могут вовсе, либо не могут во всей полноте и глубине передаваться при помощи слов и грамматического оформления высказывания» (стр. 71), то читатель невольно приходит к выводу, что автор не считает интонацию одним из средств «грамматического оформления высказывания». Ведь если бы под грамматическим оформлением подразумевалась и интонация, слова автора означали бы, что существуют такие стороны содержания речи, которые не могут вовсе передаваться никакими языковыми средствами. Как же они передавались бы? И откуда мы знали бы, что они существуют?

На стр. 59 читаем: «В языках существуют, кроме лексики и грамматики, многие и разнообразные вспомогательные средства, которыми говорящие и пишущие пользуются в процессе языкового общения». Какие же это вспомогательные средства? Повидимому, автор имеет в виду интонацию, считая, что она не входит ни в лексику, ни в грамматику.

Однако, не признавая интонацию грамматическим средством, А. Б. Шапиро не всегда последователен. На стр. 97 разбирается пример: *Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.* Анализ этой реплики автор заключает мыслью о том, что «для выражения указанного смыслового оттенка» служит «оформление второго *жаль* как самостоятельного предложения». Но чем же оформлено слово *жаль* как самостоятельное предложение? Очевидно, интонацией. Значит, интонация все-таки служит для грамматического оформления речи, хотя она не признается одним из грамматических средств.

Для знаков препинания характерно то, что они ассоциируются с интонацией устной речи. Однако в определении знаков препинания А. Б. Шапиро избегает указания на интонацию. Он их определяет как «знаки, ставящиеся между словами, а не над словами и буквами или под ними и не между составными частями сложных слов» (стр. 57). О функции знаков препинания А. Б. Шапиро пишет: «Знаки препинания... обслуживают те стороны письменной речи, которые не могут быть выражены буквами в соответствии с существующими правилами орфографии» (стр. 5).

¹ В термин «синтаксический смысл» в настоящей рецензии вкладывается то понимание, которое изложено в статье Л. В. Щербы «Пунктуация» («Лит. энциклопедия», т. IX, М., 1935, стр. 366),

Это определение слишком широкое и неточное. Ведь в таком случае знак сноски пришлось бы считать одним из знаков препинания¹: этот знак тоже обслуживает такую сторону письменной речи, которая не может быть выражена буквами. Пусть вопрос о знаке сноски — мелочь, но и на этой мелочи выявляется, что то определение знаков препинания, с которого начинается изложение книги А. Б. Шапиро, прежде всего слишком широко. И это потому, что автор сознательно избегает связывать пунктуацию с интонацией.

Цель пунктуации — сделать чтение уверенным, т. е. однозначным и легким, не требующим специальной расшифровки. А. Б. Шапиро по существу так и формулирует цель пунктуации (стр. 86). Но здесь же он решает и вопрос о том, в отношении чего именно достигается уверенность и легкость в чтении: знаки препинания помогают «... разобраться в синтаксической структуре текста и в значениях, вложенных в него пишущим» (стр. 86). Однако вопрос этот решается не так просто, если только мы не хотим заменить объективное описание существующей пунктуации ее субъективным идеалом.

Известно, что пунктуация возникла как система обозначения пауз (см. стр. 57 книги), следовательно, как система обозначения одной из сторон интонации. Интонация же связана с синтаксическим смыслом. Таким образом, имеется прямое соотношение между пунктуацией и синтаксическим смыслом речи. При этом интонация и синтаксическое значение речи часто связаны между собою однозначным соответствием: одинаковым интонациям часто соответствуют одинаковые синтаксические значения и обратно. В этих случаях вопрос о том, соотносится ли пунктуация с интонацией или с синтаксическим значением, становится беспредметным. Примеры: *Сосед приехал. Сосед приехал?* Точку и вопросительный знак в этих предложениях можно трактовать двояко. С одной стороны, они объясняются так: точка обозначает понижение, а вопросительный знак повышение тона к концу фразы. С другой стороны, точка обозначает повествовательный характер предложения, а вопросительный знак — вопросительный его характер. Эти толкования не противостоят друг другу, и оба они равно законны.

Вот еще примеры однозначного соответствия интонации и синтаксической стороны речи: *Я читаю, а ты пишешь.* Запятую можно понимать и как знак повышения тона, и как показ границы между предложениями (хотя эта граница показана союзом). *Видел я там и дядю, и тетю, и двоюродных братьев.* Запятые соответствуют определенному интонационному рисунку и в то же время определенному синтаксическому значению — сочинительной связи.

В этих случаях (а их легко привести значительно больше) между синтаксическим значением, интонацией и пунктуацией царит, можно сказать, полная гармония: пунктуацию здесь можно соотносить и с интонацией, и с синтаксической стороной речи. Но раз можно, значит и нужно, потому что у нас нет оснований предпочитать одно решение другому. Эта идея, может быть не всегда достаточно четко, проводится в той статье Л. В. Щербы о пунктуации, которая цитируется в книге А. Б. Шапиро (стр. 52 и 53).

Итак, интонация подчиняется смыслу, а пунктуация — интонации и смыслу. Отношение интонации к смыслу можно назвать «выражением» (интонация выражает синтаксический смысл); отношение пунктуации к интонации — «передачей» (пунктуация передает интонацию); отношение пунктуации к смыслу — «указанием» (пунктуация указывает на синтаксический смысл). Вопросительный знак в конце предложения *Сосед приехал?* передает повышение тона и тем самым указывает на выражаемый интонацией вопросительный смысл. Вопрос, синтаксична ли наша пунктуация или интонационна, пока, таким образом, оказывается не слишком трудным, а слишком легким: пунктуация соотносится одновременно с синтаксисом и с интонацией.

Однако отношение между интонацией и синтаксическим строением речи оказывается не всегда одинаковым. Есть случаи, когда интонация и синтаксическое строение не соответствуют друг другу, т. е. случаи, когда различные интонации соответствуют одному и тому же синтаксическому строению или, наоборот, различные синтаксические строения соответствуют одной и той же интонации, а также случаи, когда интонация не имеет синтаксического значения или, наоборот, синтаксическое строение не находит себе выражения в интонации. В этих случаях пунктуация уже не может находиться в двойном подчинении, а должна следовать либо за интонационной стороной речи, либо за ее синтаксической стороной.

Как же обстоит дело в случаях расхождения между интонацией и синтаксической стороной речи? Рассмотрим отдельные факты нашей письменной речи: *Ты уж, Павлуша, постарайся.* — *Ты уж об этом постарайся.* Здесь интонация одинакова (обращение *Павлуша* голосом не выделяется, по крайней мере может не выделяться), а синтаксическое строение различное; пунктуация следует за последним. *Ведь я тебе говорил, что опоздаешь, а ты копался, копался...* Здесь запятая перед *что* обусловлена

¹ Ср. точку зрения А. А. Барсова и возражения против нее в книге А. Б. Шапиро (стр. 20 и 22).

синтаксически; интонационно она может и не требоваться. «Они предложили нам свои услуги, и, уцепясь за колеса, с криком принялись тащить и поддерживать нашу тележку» (Лермонтов, Бэла). Интонация требовала бы запятой перед *и* и отсутствия запятой после *и*; пунктуация, как видим, здесь противоречит интонации. Во всех этих случаях пунктуация указывает на синтаксическое строение, не передавая интонации.

С другой стороны, есть случаи (правда, более редкие), когда пунктуация следует за интонацией вопреки синтаксическому строению. Так, например, после невопросительного сложного предложения, которое заканчивается косвенным вопросом, иногда ставится вопросительный знак: «Работать он не мог, да и сам не знал, чего ему желалось?» (Тургенев, Клара Милич); «Я спросил, как же он стал отшельником?» (Горький, Отшельник). Л. А. Булаховский справедливо усматривает в подобных случаях победу «собственно-интонационного момента» над «чисто грамматическим правилом»¹.

Иногда вопросительное предложение не сопровождается вопросительным знаком, и это явно отражает соответствующую интонацию. Например: «Он торопит Марию Федоровну. Зачем тащить с собой столько барахла. Брось; раздай; едем» (Панова, Времена года).

В конце более или менее длинного вопросительного предложения вопросительный знак часто не ставится. Например: «Как рассчитывать на полную укладку нефтепровода, если трубы и оборудование поступили не полностью и неизвестно, можно ли рассчитывать на их поступление» (Ажаев, Далеко от Москвы). «Разве еще не настало время, чтобы все эти факты обсудить, дать им соответствующую оценку и на основе этих фактов принять решение, достойное Организации Объединенных Наций, и сделать это теперь же, немедленно, не откладывая это на какое-то неопределенное время, может быть *ad calendas graecas*, на тот час, который никогда и не наступит» («Правда» 27 XI 52. Из выступления А. Я. Вышинского в Политическом комитете ООН).

В этих примерах фраза начинается интонационно как вопросительная, но к концу фразы вопросительность интонации сходит на-нет. Точка здесь соответствует интонации, вопреки синтаксическому смыслу. Вопросительный знак навязывал бы несуществующую и трудную для произношения вопросительную интонацию.

Победу интонации над синтаксисом следует усматривать и в правиле, согласно которому на стыке двух союзов, принадлежащих к разным предложениям, запятая часто или даже обычно опускается (*Я знал, что если я это сделаю...*). Сюда же относится и так называемое авторское тире, например: «Красивые — всегда смелые» (Горький, Старуха Изергиль); «И всего грустнее то, что писатель прикоснулся к теме значительной и горячей — холодно» («Лит. газета» 28 VI 50).

Близки к отмеченным случаям, когда синтаксическая основа знака препинания хотя и существует, но с трудом поддается истолкованию, в то время как интонационная его основа совершенно ясна. Например: «Из-под сена виднелись: самовар, кадка с мороженой формой и еще кой-какие привлекательные узелки и коробочки» (Л. Толстой, Детство). Двоеточие здесь явно соответствует интонации, а синтаксически его трудно объяснить. (Ср. попытку объяснения у А. Б. Шапиро на стр. 248—249, где все-таки без обращения к интонации не обходится).

Сюда же, собственно, относятся и постановка точки в конце фразы в тех случаях, когда установление границ между фразами является более или менее субъективным². Вот характерный пример разбивки речи на однословные фразы, где сам автор объясняет интонационную необходимость точек: «Перед глазами „души моей“ встают великолепные видения: вот безукоризненно строгое и элегантное фойе Художественного театра... Репетиция еще не началась, но актеры уже собрались, ждут Константина Сергеевича и Владимира Ивановича. А кто ждет? — Лилина. Книппер. Савицкая. Бутова. Качалов. Москвин. Леонидов. Грибунин. Лужский. Вишневский».

После каждого из этих имен надо поставить точку, а потом долго, долго молчать, чтоб встал образ каждого из них во всей ясности своего значения, во всей несодвигимой власти своего обаяния»³.

Теоретически возможны и такие случаи, когда пунктуация не соответствует ни интонации, ни синтаксическому строению. Это — пунктуация традиционная, т. е.

¹ См. Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. I, Киев, 1952, стр. 417.

² «Обыкновенно, — указывает Л. А. Булаховский, — точка ставится в соответствии ритмомелодике законченного, достаточно резко отделенного содержания. Возможны, однако, случаи, когда автор хочет связанные между собою содержания дать искусственно отделенными как фразные, самодовлеющие. В этих случаях точка передает эту установку на ритмомелодический, усиливающий значение отрываемых друг от друга частей возможной „большой“ фразы, разрыв...» (Л. А. Булаховский, указ. соч., стр. 416).

³ С. Бирман, Мудрые воспитатели, «Лит. газета» 23 X 48.

соответствующая бывшей интонации, или бывшему синтаксическому строению, или тому и другому вместе, например: *Вот, кто мне об этом сообщил.* Однако сейчас в подобных случаях запятую уже не ставят.

Более сложный случай представляет многоточие. Иногда оно, как и другие знаки препинания, соответствует одновременно синтаксической и интонационной стороне речи. Но оно может обозначать и исключительно интонационную сторону, заминку, затруднение при произнесении речи. А иногда оно означает скрытый намек, иронию, т. е. имеет значение не синтаксическое. Ср. два заголовка статей в стенгазете: *Студенты много занимались* и *Студенты много внимались*... Второй заголовок мы воспринимаем как иронический.

Из всего сказанного следует, что в строении русской пунктуации проявляются разные принципы:

1. Часто пунктуация соответствует одновременно синтаксическому значению речи и интонации, следовательно, она определяется и синтаксической стороной, и интонацией.

2. Часто пунктуация соответствует синтаксическому строению речи, вопреки интонации.

3. Редко пунктуация соответствует интонации речи вопреки ее синтаксической стороне или же независимо от синтаксической стороны.

4. Теоретически возможна и пунктуация «традиционная», т. е. противоречащая как синтаксической, так и интонационной стороне речи, но определяемая бывшим синтаксическим строением или бывшей интонацией.

Каждый знак препинания прикреплен к известным интонационным рисункам и одновременно к известным синтаксическим явлениям. Однако синтаксическая сторона речи обозначается пунктуацией полнее и систематичнее, чем сторона интонационная. Что из синтаксиса обозначается пунктуацией? Прежде всего, членение речи на фразы, на предложения, иногда на синтагмы; далее — отношение между предложениями, в некоторых случаях — сочинительные и параллельные связи внутри предложения; особые типы связей (обращение, вводное слово, междометие); иногда полупредикативность в отличие от атрибутивности; далее — вопросительный характер предложения, восклицательный характер предложения; иногда особая важность какой-нибудь части предложения (обособление).

Если верно, что русская пунктуация имеет тенденцию становиться все более синтаксичной (смысловой), то эта тенденция во всяком случае еще не достигла завершения. Впрочем некоторые новейшие явления, например, пропуск вопросительного знака в силу отсутствия соответствующей интонации, свидетельствуют и об обратной тенденции.

А. Б. Шапиро отвергает самый вопрос о том, соотносится ли пунктуация с интонацией или с синтаксической стороной речи. Он пишет: «Спор о том, что призвана выражать в письменной речи пунктуация — ритмомелодию речи или синтаксическую структуру, — не может быть в такой постановке решен ни в пользу одной, ни в пользу другой точки зрения. Ни ритмомелодия, ни синтаксическая структура не существуют в языке и в речи как самостоятельные, автономные области. Как та, так и другая служат для организации лексического материала» (стр. 76).

Возражая против идеи Л. В. Щербы о двойном соотношении пунктуации, А. Б. Шапиро пишет: «Этим он (Л. В. Щерба. — А. З.) ставит „звуковые явления“ и „смысл“ в один ряд, логически противопоставляя их друг другу как равноправные по существу явления...» (стр. 62). Но двойное подчинение пунктуации вовсе не означает, что «звуковые явления» и «смысл» ставятся в один ряд. И из того, что интонация не автономна, вовсе не следует, что она не может как-то передаваться графическими знаками. Ведь звуки речи тоже не «самостоятельная, автономная область», однако никто не отрицает, что буквы означают звуки.

А. Б. Шапиро сближает пунктуацию с синтаксическим смыслом, отрывая ее от интонации устной речи. Это связано со стремлением автора при установлении принципов пунктуации замкнуться в рамках письменной речи, трактовать письменную речь как автономную по отношению к устной речи (правда, при изложении отдельных правил пунктуации автор не всегда последователен).

В статье А. Б. Шапиро «О проекте правил русской орфографии и пунктуации» сформулировано следующее теоретическое положение: «Так как задачей пунктуации является указание на синтаксическое членение письменного текста, на смысловые взаимоотношения между отрезками расчлененного посредством знаков препинания предложения и, в некоторых случаях, на характер заключающегося в предложении содержания (вопрос, оттенки эмоций и т. д.), то правила формулируются в основном путем указаний на синтаксическую структуру предложения и, где это необходимо, на характер содержания последнего»¹.

Таким образом, сопоставлению подлежат внешняя (графическая) внутренняя

¹ «Р. яз. в шк.», 1954, № 4, стр. 47.

(смысловая) стороны письменной речи, без привлечения элементов устной речи. Между письменной и устной речью — не связь, а в лучшем случае аналогия. Но зачем же отрывать синтаксическое строение от выражающей его интонации? Письмо не оторвано от речи, и пишущий не может, хотя бы время от времени, не представлять себе и мелодической стороны устной речи. На стр. 82, рассматривая те случаи, где пунктуация соответствует одновременно интонации и синтаксису, автор напоминает, что существуют и очень многочисленные случаи, «когда знакам препинания, без которых нельзя обойтись при письме, не соответствует в устной речи никакой ритмомелодии». Но если нет постоянного соответствия между пунктуацией и ритмомелодией, это еще не значит, что между ними нет никакой связи. Отвергая неправильную, одностороннюю позицию, А. Б. Шапиро сам занимает противоположную, тоже одностороннюю и тоже неправильную позицию.

Наша пунктуация не однопринципна. Представление о стройной системе с м ы с л о в о й пунктуации, как и представление о стройной системе и н т о н а ц и о н н о й пунктуации, может создаться лишь в результате произвольного замалчивания одного из случаев.

Стремление автора книги связать пунктуацию лишь со смыслом, минуя интонацию, приводит к упрощению многообразия явлений письменной речи: из равно возможных и равно законных толкований избирается одно; некоторые объяснения не доводятся до конца, отдельные явления и вовсе выпадают из поля зрения автора. Так, например, А. Б. Шапиро пишет: «Далеко не всегда возможно, например, в русском языке твердо отличить на основании лексического значения вводные слова от слов или групп слов, являющихся членами предложения, ср.: „Он может быть в конторе или на складе“, „Все это должно быть так“. Без обозначения посредством знака препинания невозможно в русском языке различие смысловых оттенков причастных оборотов, стоящих перед поясняемым существительным в тех случаях, когда эти обороты содержат в себе дополнительное значение причинности, условности и др. и когда они не имеют таких дополнительных значений...» (стр. 11).

Да, без пунктуации этого не различить на письме. Но ведь и в устной речи этого не различить без интонации. Можно ли не заметить такой явной связи пунктуации с интонацией? Подобные же примеры найдем на стр. 94, 95, 96, 81, 154 и др. Даже разбирая примеры, взятые из драматических произведений, А. Б. Шапиро находит возможным говорить о непосредственной связи пунктуации и смысла, минуя интонацию, которой драматург явно требует от артиста (ср. стр. 96 внизу и др.).

Автор считает, что у читающего «на основе его общественного опыта пользования языком в устной форме» имеется представление о предложениях и словах как о речевых единицах (стр. 8). Откуда же это представление? Какими звуковыми средствами выражается членение речи на предложения и слова? Очевидно, интонацией — по крайней мере для предложений и для знаменательных слов (что касается служебных слов, то здесь дело обстоит сложнее). А повествовательность, вопросительность, о которых говорится там же, в устной речи несомненно выражаются интонацией.

Желание обязательно подвести пунктуацию непосредственно под смысл, минуя интонацию, иногда приводит к внутренним противоречиям (ср. стр. 216 и 217).

Как же А. Б. Шапиро объясняет те случаи, когда пунктуация явно обусловлена интонацией вопреки синтаксической стороне? В общем разделе книги подобные примеры не рассматриваются. Там же, где речь идет о частных правилах, автор рассматривает некоторые из подобных примеров чисто эмпирически (в таком-то случае — такой-то знак), не касаясь места их в системе пунктуации в целом (см. стр. 120, 198, 203 и др.).

Автор кое-где рекомендует ту или другую пунктуацию. И здесь ему иногда вредит игнорирование интонационного момента (например, рекомендации двоеточия на стр. 244). На стр. 98, говоря об употреблении точки в конце «повествовательного» предложения, автор пишет: «В устной речи такие предложения характеризуются постепенным понижением тона в конце». Такое указание звучит для читателя несколько неожиданно. Он вправе спросить: зачем нам знать, чем характеризуется то или другое предложение в устной речи, раз в основу положен принцип соотношения правил пунктуации лишь с синтаксическим строением и с содержанием?

Как хороший языковед, А. Б. Шапиро не мог последовательно выдержать принятую им точку зрения. В конкретном изложении правил он нередко сопоставляет пунктуацию и интонацию (см., например, стр. 107, 116, 166, 185, 187, 209—210, 235 и др.). Впрочем и в общей, принципиальной части книги мы с удовлетворением находим признание, что «между некоторыми ритмомелодическими фигурами и знаками препинания» «соответствие безусловно существует» (стр. 60). Но если оно существует, какая польза для теории пунктуации от того, что это соответствие не вводится в научный оборот, не учитывается?

«Фактически все пишущие, — признает А. Б. Шапиро, — в дополнение к известным им правилам пунктуации, руководствуются при постановке знаков препинания также и некоторыми показаниями ритмомелодии, идущими от устного произношения. Пишущий «мысленно» (а иногда и вслух) произносит предложение или часть его,

чтобы уяснить себе, какой в том или ином случае следует поставить знак препинания». Особенно это подтверждается постановкой «авторских тире» (стр. 47).

Это верно. Но это не положено в основу всей системы изложения автора. На стр. 58 читаем: «... наша современная пунктуация в целом удовлетворительно обслуживает наиболее важные практические потребности пишущего, стремящегося выразить в тексте те или иные смысловые отношения и оттенки». Тут «показания ритмомелодии, идущие от устного произношения», уже исчезли.

А. Б. Шапиро непоследователен еще и в другом вопросе — в вопросе о системности, последовательности нашей пунктуации. «Так как, — читаем мы в одном месте, — процесс развития пунктуации шел почти стихийно, лишь изредка и только в отношении частных своих правил подвергаясь обязательной регламентации, то существующая в настоящее время пунктуация не отражает, как об этом говорилось выше, какой-либо единой, последовательно проводимой системы» (стр. 57—58). В другом месте (стр. 352) автор считает нашу пунктуацию «последовательной системой принципов и правил». Эти утверждения исключают одно другое. Верным нужно признать первое.

Основной недостаток приципиальной части книги «Основы пунктуации» заключается в том, что автор старается представить пунктуацию как систему, не связанную с интонацией, а связанную только со смысловой стороной речи. Этот недостаток в некоторой мере выправлен во второй части книги.

А. И. Зарецкий

ЖУРНАЛ «ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ШКОЛЕ» В 1953—1954 гг.

(Обзор статей по вопросам языкознания)

Журнал «Иностранные языки в школе» является органом Министерства просвещения РСФСР и рассчитан на широкий коллектив преподавателей иностранного языка в средней школе. Однако не меньший интерес он имеет и для преподавателей иностранного языка в высших учебных заведениях, в том числе и специальных языковых и филологических вузах. Роль журнала как основного органа работников многочисленной армии советских преподавателей иностранного языка несомненно велика: он способствует популяризации новейших достижений советской лингвистической науки и методики преподавания иностранных языков, внедрению результатов научных исследований в практику преподавания, обмену опытом преподавателей, популяризации передового опыта, повышению методического уровня советских учителей, развертыванию творческих дискуссий по вопросам языкознания и методики и т. д. Все это, естественно, заставляет предъявлять особенно высокие требования к журналу, к печатаемой в нем продукции.

Обычно номер журнала (выходит шесть раз в год) состоит из следующих разделов: передовая (редакционная) статья; статьи по вопросам языкознания; статьи по вопросам методики; опыт школ (обмен методическим опытом преподавателей иностранного языка средней школы); критика и библиография; консультации (ответы на вопросы читателей); хроника, где публикуются сообщения о состоявшихся научно-теоретических и методических конференциях, учительских семинарах, о работе методических объединений и секций учителей иностранных языков, вечерах самостоятельности в школе (проводимых на иностранных языках) и т. д., а также обзор вышедших диссертаций по языкознанию и методике преподавания иностранных языков. В настоящем обзоре мы постараемся дать характеристику статей по вопросам языкознания на материале работ, напечатанных журналом в 1953—1954 гг.

Из статей по вопросам языкознания, помещенных в журнале в 1953—1954 гг., четырнадцать посвящено вопросам грамматики, десять — вопросам лексикологии (словарного состава, фразеологии, семасиологии, словообразования), две — стилистике, три — проблемам общего и сравнительно-сопоставительного языкознания и две — диалектологии. Семнадцать статей написаны на материале английского, семь — французского и четыре — немецкого языка. Круг вопросов, рассматриваемых в рецензируемых статьях, широк и разнообразен, что свидетельствует о живом интересе советского учительства и преподавателей высшей школы к самым различным проблемам науки о языке, как общим, так и частным.